

отдел милиции возглавил Н. И. Леган, имевший 5 боевых орденов и 4 боевые медали. В последующие годы эта практика сохранялась и в руководство милиции приходили те, кто прошел сложный военный путь.

В послевоенный период была восстановлена и активно использовалась практика опоры органов милиции области на общественность, прежде всего бригадмил. Крымчане охотно помогали в борьбе с преступностью, проявляя при этом инициативу, мужество, отвагу. Так, за инициативу, проявленную по раскрытию воровской группировки, приказом по Управлению милиции от 12 декабря 1946 года был награжден бригадмилец города Керчи Б.С. Юдкович [4, л. 36] 1947 года была объявлена благодарность члену группы охраны общественного порядка Судакского района Коноваленко за инициативу, проявленную при задержании уголовного преступника [8, л. 78]. В июне 1948 года объявляется благодарность членам бригад содействия милиции А. Я. Алдушину (город Феодосия); Е.П. Короткову (Бахчисарайский район); П.М. Чистякову (Азовский район); А.К. Архинову (Старо – Крымский район) [6, л. 114]. В январе 1954 года объявляется благодарность члену бригады содействия милиции П.И. Семенову (Куйбышевский район) [9, л. 176]. Однако в эти годы эта форма работы не стала массовой.

Подводя итог данному периоду истории крымской милиции, автор считает возможным сделать следующие основные выводы:

1. Криминогенная ситуация в послевоенный период была исключительно сложной, виной чему в немалой степени являлось само государство, выпустившее на свободу по амнистии 1945 года лиц, осужденных до 5 лет, а это были практически все уголовники, поскольку за «политику» давали 10 лет.

2. Борьба с преступностью осложнялась нехваткой честных, грамотных, квалифицированных кадров, которыми милиция постепенно комплектовалась из числа демобилизованных, лиц, окончивших специальные средние и высшие учебные заведения.

3. Подавляющее большинство сотрудников милиции честно и самоотверженно исполняли свой служебный и гражданский долг, за что сотни из них поощрялись на всех уровнях. Но были и другие, чьи «дела» позорили советскую милицию.

4. В своей правоохранительной деятельности крымская милиция опиралась на общественность, прежде всего в форме бригад содействия милиции (БСМ). К сожалению, сегодня этого нет, что не только не правильно, но и глубоко ошибочно.

Источники и литература:

1. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 2855.
2. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 21. – Д. 122.
3. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 137.
4. ГА АРК. – Ф. П – 151. – Оп. 1. – Д. 21.
5. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 12. – Д. 155.
6. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 30. – Д. 156.
7. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 3538.
8. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 28. – Д. 136.
9. ГА ГУ МВД Украины в АРК. – Ф. 2. – Оп. 38. – Д. 227.

Поляков В.Е.

УДК 63.3(2)622.5

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЖИЗНИ КРЫМСКИХ ПАРТИЗАН В 1941 - 1944 ГОДАХ

Постановка проблемы. Два с половиной года партизанской борьбы продемонстрировали, но только стойкость и мужество партизан, но и их смекалку, творческий подход к решению поставленных задач. Настоящая статья впервые рассматривает проблему под этим углом зрения.

То, что каждый отряд самостоятельно готовился к жизни в лесу, нашло отражение в их экипировке. Так, курортная Ялта обеспечила своих бойцов прекрасными спальными мешками. Но лучше всех были экипированы бахчисарайцы. Как вспоминал бывший секретарь Бахчисарайского райкома ВКП(б), он же комиссар отряда В. И. Черный: *«На трикотажной фабрике я заказал двести свитеров, шерстяных носки и шлепы под шапки. Кожевенный завод изготовил сотни три постолов»*. [1].

Как отметил посетивший их отряд И. З. Вергасов: *«Бахчисарайцы имели теплые ушанки, полушубки, на ногах у всех постолы – в том числе и у комиссара. Обувались они таким образом: шерстяной носок, портянка из плащ-палатки, и все это плотно зашнуровывалось, так что ни вода, ни снег не страшны. В лесу такая обувь оказалась самой практичной»* [2].

Прочитав эти строки, я вспомнил своего отца Полякова Евгения Матвеевича, детство и юность которого прошли в Бахчисарайском районе, в селе Ханышкой. Мне много раз доводилось ходить с отцом на охоту и каждый раз, когда мы останавливались, чтобы снять с сапог комья грязи, отец рассказывал мне о постолах – об обуви его мечты, обуви к которой никогда не липнет грязь. Признаться честно, я думал, что отец фантазирует, и был поражен, когда в таких же восхитительных выражениях прочитал о постолах у И. З. Вергасова.

Впрочем, у Николая Колпакова о пстолах другое мнение: «Они легкие, не натирают ноги, но зимой размокают и спадают с ног, а летом засыхают и становятся лыжами. Взбираясь на гору, скользят назад, а с горы летишь, как на лыжах, не помогал никакие приспособления». [3, с. 20].

Вот как проходила первая ночевка в лесу бойцов Ялтинского партизанского отряда:

«Раздалась команда: «Ломать сучья и разводить костры! Мне припомнилась Сибирь; там по-иному готовились к ночлегу в лесу, и я стал шестом раздвигать угли, увеличивая площадь костра.

- Вы зачем это делаете? - спросил Агеев.

Я подкинул в костер еще охапку дров и, когда они разгорелись, предложил:

- Давайте перенесем костер немного в сторону.

- Чего вы мудрите? – недоумевал Агеев.

На новом месте костер горел с прежней силой. Я тщательно очистил площадку от углей и золы, там, где только что горел костер, и объявил:

- Печь готова. Пожалуйста греться!

Глядя на нас, стали готовить себе такие постели и другие» [4, с. 16].

После прочеса, когда исчезло само понятие партизанский лагерь, так как каждую ночь проводили в новом совершенно необустроенном месте, то на первый план вышли способы приготовления пищи: «В качестве сковородки используется любой плоский металлический предмет, или просто пропекают на углях одну сторону лепешки, а затем другую» [5, с. 9].

С началом «рельсовой войны» доморощенные умельцы из партизан наловчились изготавливать мину с так называемым «замедлителем Москалёва». Получил он свое название по имени изобретателя. «Замедлитель» представляет собой фитиль из стропы парашюта разных размеров: для замедления на 20 мин. – 7 сантиметров; на 15 минут – 5 см; на 10 минут – 3 см; на 6 мин. – 2 см. Между фитилем и кусочком бикфордового шнура длиной 2-3 см. имелась прослойка пороха, а затем капсуль – детонатор. Для предохранения горящего фитиля от дождя и маскировки самого огонька, весь запал всовывался в специальный сшитый колпачок в виде конуса. Зажигался фитиль с широкой стороны колпачка, на поверхности которого было вырезано несколько дырок для доступа воздуха [5, с. 8].

А вот за это изобретение, вероятно, можно было бы выдать патент.

Из-за отсутствия радиосвязи с самолетами, партизаны не могли заблаговременно предупреждать летчиков об опасности. Бывало и так, что площадка для посадки захвачена противником или он создали «ложный аэродром». Поэтому была придумана сложная система костров, а чтоб противник с соседних гор не заметил их, и не сделал точно такие же, то на соседней поляне разжигали лишние костры. В конечном итоге случайно нашли оптимальное решение. Командовавший аэродромной командой Николай Котельников, как-то взял с собой кисет с толовым порошком, чтобы быстрее разжигать костры. Когда Котельников начал подсыпать порошок в огонь, то пламя вдруг начало приобретать темно-красный бурячный цвет. Летчики начали издали отличать стартовые костры от прочих, уверенно заходили на посадку и хвалили Котельникова за находчивость.

С авиацией связано еще одно неожиданное вынужденное решение.

25 февраля 1942 года был произведен первый сброс продуктов с самолетов ТБ-3. «Первый блин» в какой-то степени вышел комом. Мешки с мукой разбивались о землю, оставив вокруг себя облако белой пыли. Уже к следующему разу те, кто готовили партизанские посылки, по их просьбе внесли коррективы и стали насыпать не полный мешок, а уже его вкладывали, в «суперупаковку» - во второй мешок, который и оставался целым после удара о землю.

Долгое время к крымским партизанам летали только маленькие самолеты У-2 или С-2 (санитарный вариант), которые могли вывезти только двух-трех раненых и вот, наконец, решились произвести посадку тяжелого самолета.

Все, казалось бы, шло хорошо. ТБ-3 уже катился под небольшой уклон, покачиваясь на неровностях, как вдруг перед самой остановкой содрогнулся и замер, накренившись на правое крыло. Оказалось, что камнем пробило покрывку.

Летчик Помазков сунул руку в обнаруженное механиком отверстие, и она ушла туда по локоть.

- Запасная покрывка в Адлере есть? – поинтересовался Помазков, но авиамеханик Сугров отрицательно покачал головой.

- Машину здесь на пару суток оставить можно? – обратился он к командиру партизан.

- Ни в коем случае! Уже завтра здесь будут каратели!

Оставалось два выхода: либо сжечь самолет, либо попытаться взлететь. Летчик повернулся к механику: «Как думаешь, Егорыч, на ободке оторвемся?»

- Посадки на одном колесе бывали, а вот про взлет слышать не приходилось...

«Может удастся при разбеге поставить машину на одно колесо элеронами?»

- А левое крыло подзагрузить! – добавил штурман.

- Сколько человек сможем загрузить в левом крыле?

- Человек двадцать.

Но тут взбунтовался командир отряда.

- Вы, товарищи летчики, можете, конечно, рисковать, но людей я дать не могу. - Он швырнул окурок и зашагал взад-вперед.

Товарищ, полковник! – официально обратился летчик Помазков. Мы тоже люди, и зря гробиться не хотим. В случае чего прервём полет.

Лобов сдался, но разрешил грузить только тех, кто сам даст согласие.

Лететь согласилось двадцать три человека. Экипаж занял свои места
- Николай – сказал Помазков. Будем взлетать дуэтом: ты жми на педали и поднимай хвост, а я буду ставить самолет на левое колесо и играть газами.

Так и взлетели. Уже на обратном пути отказал один мотор. После такого взлета, состоялась не менее сложная посадка: на трех моторах, без колеса. Тем не менее, сели! [6].

А вот фрагмент из воспоминаний партизанского врача.

«Пища готовилась в ведрах, касках, котелках. Мясо жарилось на медной, почти нелуженной сковородке и часто оставалось на ней подолгу, поэтому легко могло пропитываться окисью меди. Когда среди партизан, а также в штабе стали учащаться кишечные расстройства, я высказал свои опасения и одной из причин назвал недоброкачественную посуду и особенно медную, нелуженую. Мои товарищи подняли меня на смех, так как не допускали мысли о том, что в лесу также необходимо соблюдать санитарно-гигиенические требования. Тем не менее, я настоял на том, что из деревни нам доставили эмалированные ведра и чугунную сковородку. Очень скоро я установил, что среди партизан распространены кожные заболевания, фурункулез, частотка, ревматические боли, поносы. Противочастоточной мази у нас не имелось, и товарищи страдали от расчесов. Тогда я предложил командиру отряда достать килограмм конского жира и с моей запиской отправить его в Старый Крым, где заведующая аптекой, знает мою подпись по прежним рецептам. Она охотно выполнила мою просьбу по изготовлению мази. После этого частотка в отряде быстро ликвидировалась [7, с. 9].

Выводы. Трудные условия повседневной лесной жизни постоянно вынуждали партизан искать самые различные выходы не только в житейских ситуациях, но и в борьбе с врагом.

Источники и литература:

1. Черный В. И. Долгом призванные / В. И. Черный. – Симферополь : Таврия, 1985. – 192 с.
2. Вергасов И. З. Крымские тетради / И. З. Вергасов. – М. : Советская Россия, 1974. – 448 с.
3. Колпаков Н. Е. Всегда в разведке / Н. Е. Колпаков; под ред. Н. И. Олейникова. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2008. – 176 с.
4. Становский С. И. Партизаны / С. И. Становский. – Симферополь : Крымиздат, 1959. – 213 с.
5. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 525.
6. Луговой Н. Д. Страда партизанская : 900 дней в тылу врага / Н. Д. Луговой. – Симферополь : Эльфинью, 2004. – 732 с.
7. ГААРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 60.